

КНИГУ — НАРОДУ!

ОБСУЖДЕНИЕ работы издательства и книготоргов на страницах «Литературной газеты» вызвало многочисленные отклики читателей.

В ПОГОНЕ ЗА «КАССОВЫМ» УСПЕХОМ

Читатель Г. Гуревич (Киев) обстоятельно анализирует причины образования огромных запасов непроданных книг. «Книжный рынок», — пишет Г. Гуревич, — буквально наводнен бесконечными переизданиями так называемых «ходовых» книг, в основном переводных. Тиражи детективной и приключенческой литературы достигли огромных размеров.

Действительно, когда одни и те же книги всюду печатаются огромными тиражами, то отсутствие единого планирования превращает эту погоню за кассовыми успехами в погоню за «ходовыми» книгами в бедствие. Как показала жизнь, неработоспособность в издании книг, стремление к одному только коммерческому успеху приводит к засорению книжного рынка и, в конечном счете, к затовариванию. Омертвляется спрос, расходуется без пользы бумага, которую можно было употребить на издание других, более нужных книг. А главное, из «кассовых» соображений уродуется художественный вкус читателей.

Как же покончить с этим злом? Г. Гуревич предлагает запретить областным издательствам заниматься переизданиями, а включать в тематические планы только заслуживающие внимания произведения местных авторов. Тогда не было бы погони за «кредитными» книгами, вроде «Дорожевые Марго».

Улучшение переиздания на местах вызвало также существующей системой распределения бумаги между издательствами. Издательства любыми способами погоняют свои тематические планы к фондам бумаги, чтобы не оставить их неиспользованными. Отсюда недостаток в одних и избыток в других издательствах, огромный неудовлетворенный спрос на одни книги, наряду с многочисленными переизданиями других.

О «НОРМАТИВНЫХ СРОКАХ»

В ряде писем читателей критикуется существующая система финансирования книготоргов, «нормативные сроки» реализации книг и неизменные цены на них. Д. Черный (Москва) сообщает, что для московского книготорга, например, установлен срок продажи книг в 128 дней, а ведь есть издания, которые печатаются один раз в несколько лет. Трудно рассчитывать на то, что ноты, каталоги выставок, путеводители, книги по медицине, технике будут реализованы за четыре месяца. Да и вообще, для того чтобы удовлетворить запросы покупателей на подобные издания, магазины должны иметь определенные товарные запасы.

Мысли и планы литераторов Белоруссии

СТРАСТНЫЙ, конкретный разговор об участии писателей в осуществлении задач, поставленных XXI съездом партии, состоялся на расширенном заседании президиума правления Союза писателей БССР. Сама тема — «Писатель и современность» — привлекла внимание широкой общественности. Докладчик М. Калачинский сказал:

— Давайте начнем с разведки великих тем. От романа, рассказа, стихотворения — к романам и поэмам о нашем современнике. Первые шаги сделаны. Долг каждого литератора — внести свою долю в борьбу за решение задач семилетия.

— Белорусские писатели всегда были с народом, с партией, — говорит П. Бровка. — На стройках первой пятилетки наши соотечественники вносили свой вклад во многие литературные проекты, имена которых известны сегодня всей стране. Семилетия, с ее невиданным размахом, требует новых писателей и станет источником вдохновения для литераторов старшего поколения.

В речи выступили также А. Белицкий, Ф. Пестряков, А. Заринский, Я. Герцович, Д. Пестряков и другие. На заседании президиума внесены предложения об издании ежегодного альманаха «День республики», о регулярном выпуске небольших брошюр-очерков.

Минск. (Наш корр.)

Однако это не учитывают ни работники финансовых органов, ни работники Министерства культуры. В продаже книг они подходят с той же мерой, что и к прочим товарам. Работники книжной торговли лишаются премий за несоблюдение норматива «товарооборачиваемости».

Другой вопрос, затрагиваемый автором письма: что делать с залежавшейся литературой? Д. Черный считает, что, кроме упорядочения изданий книг, надо решительно освободиться от созданных книжных запасов. Для этого следует часть непроданной устаревшей литературы списать и сдать в макулатуру, а другую часть — уценить и продавать по пониженным ценам.

ЗА ДОЛГОВЕЧНОСТЬ

Немаловажную тему поднимает Я. Ларри (Ленинград). Всегда ли нужно стремиться к удешевлению книг? «Книги у нас дешевы», — пишет автор письма. — Еще более снизить их стоимость можно лишь за счет качества бумаги, переплета, литографских работ и пр. Такое снижение не приведет ни к чему хорошему». Развивая свою мысль, Я. Ларри предлагает наладить выпуск книг долговечными, то есть такими, которые были бы и красивы, и не выходили быстро из строя. Из-за плохой бумаги и печати многие книги в течение года превращаются в «ктульи».

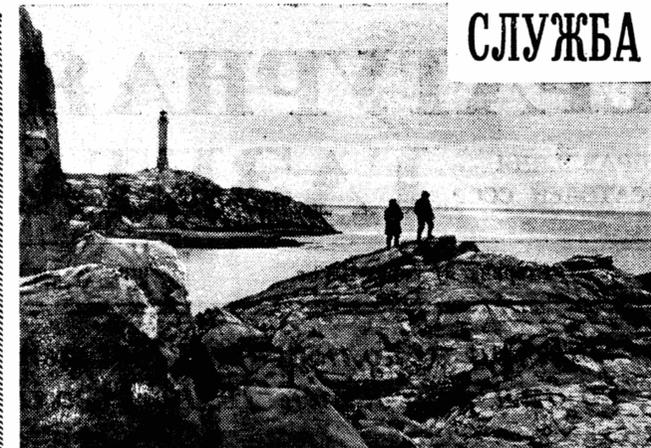
Издание долговечных книг разгрузило бы нашу полиграфическую промышленность от ненужных переизданий и снизило непроездательные расходы.

В многочисленных письмах, полученных редакцией, затрагиваются вопросы рекламы книг, а также улучшения работы букинистических магазинов. Л. Фришман (Ростов-на-Дону) считает, что многие наши областные книжные магазины плохо связаны с покупателями. Они редко устраивают читательские конференции. Во всех магазинах следует создать советы содействия книжной торговле.

Много писем посвящено магазинам «Книга — почтой». Их услугами пользуется большое число людей, в первую очередь те, кто живет в отдалении от крупных культурных центров. «В работе этих магазинов имеется много недостатков», — пишет Г. Вишняков (Тбилиси). — Долго приходится ждать присылки книги, а иногда и заявку и вовсе не отвечают. Работу магазинов «Книга — почтой», справедливо замечает автор письма, нужно перестроить.

Читатели В. Хохлов и Н. Тютчев (Москва) пишут о подготовке кадров книжной торговли. Для московского книготоргового техникума было построено специальное здание. Однако Министерство культуры РСФСР отобрало его, разместив здесь и другое учебное заведение. Техникуму явно не хватает помещений, нет и обескураживает для студентов.

Читатели настойчиво требуют перестроить существующую систему книготорговли, приблизить книгу к народу.

СЛУЖБА КАК СЛУЖБА...

О.Р., О.Р., О.Р. Это — позы острова Русского. Точнее — Большого Оленьего Русского. Наше судно держит курс на этот остров. Откровенно говоря, «Большой» — это явное преувеличение. Длина острова канни-нубуд четыре километра, а ширина — 200 — 250 метров. «Олений» — легенда. Есть предание, что когда-то было пастбище. «Русский» — это правильно. Вскоре мы были уже старыми знакомыми и с начальником экспедиции Владимиром Половым, и с его товарищами. Все население острова — десять взрослых и четверо детей. ...Уже пятнадцатые сутки подряд свирепствует мороз. Дюмик, в котором мы живем (оно из трех жилых помещений специалистов малка), трясется, как в лихорадке. На остров низвергается один «заряд» за другим. Заряды — это внезапно налетающие снежные бури. Потом сразу

Шторм... Нелегко В. Приймаку закрепить шлюпку.

наступает тишина, весьма, впрочем, от насильственной. Слышно, как вдали с грохотом перекатываются громадные камни.

И снова шторм, снова ветер... Полярная ночь. Высоко в небе, соперничая со сполохами, непрерывно вращаются гигантские рубиновые лучи плазмы. Вокруг крылья сказочной мельницы. Идет приличная, размеренная, расплавленная по минутам ослепительная. Через каждые шесть часов на пост заступает новая вахта. Как метром, отсчитывают время радиочасы. На пульте автоматического управления пульсируют стрелки приборов. В дизельной ритмично урчит двигатель. А когда на море опускается липкий, непроходимый туман, заводит свою унылую песню морская сирена-наутфонт. Выключается передатчик радиомаяка. И в эфир устремляются его волны.

Вечерами, в свободное время Владимир Попов возится с телевизором, он хочет принимать передачи Мурманского телецентра. Но главное его пристрастие — кино. К слову, начальники малка собирают материалы для документальной повести о морских Севера. «Хозяин» силой и эстетической частью малка Владимир Приймак проявляет пленку. Аркадий Медников — потемневший помор. Он, как и его товарищи по ману, — мастер на все руки. Сейчас он строит цельнометаллическую лодку.

Когда я стал расспрашивать Владимира Попова о героических делах, он только пожал плечами:

— Служба как служба. Всякое, конечно, бывает...

И действительно, всякое бывает. То бешеный ветер сорвет антенну с радиомачты, и в лютый мороз Аркадий Медников поднимается по обледенелой стальной мачте, держа сумку с инструментами в зубах. То громадные волны доберутся до шлюпки, и тогда Владимир Приймак и Иван Нударевский, стоя по шее в ледяной воде, вытаскивают ее на безопасное место. То шикарный ветер погасит ацетиленовый фонарь одной из «мигалок», которые установлены в разных пунктах острова. И тогда Владимир Попов с товарищами связку гурж, несая на руках тяжелые баллоны с ацетиленом, взбираются по обледенелым скалам, чтобы как можно скорее снова загорелись сигнальные огни.

Служба как служба...

Вл. ИЛЛЕШ

БАРЕНЦОВО МОРЕ — МОСКВА

Фото Ю. Багрянского

ВПЕРВЫЕ НА ОПЕРНОЙ СЦЕНЕ

В «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЕ» некоторое время назад сообщалось о том, что композитором Б. Шехтером написана новая опера «Пушкин в изгнании». Либретто ее было создано недавно скончавшимся старейшим русским писателем И. Новиковым в соавторстве с М. Новиковым. Новое произведение отражает один из самых сложных периодов жизни поэта — 1820—1826 гг.

Бессмертный образ величайшего гения русской поэзии, запечатленный почти во всех жанрах искусства и литературы, впервые воплощен в оперном творчестве. На днях в Свердловском театре оперы и балета, который первым в стране осуществил постановку, состоялась премьера спектакля «Пушкин в изгнании».

Корреспондент «Литературной газеты» связался по телефону со Свердловским театром.

— Новая постановка, — сообщили нашему сотруднику, — осуществлена главным дирижером театра народными артистом РСФСР А. Людкиным и главным режиссером М. Минским. Художник — заслуженный деятель искусств Н. Ситников, балетмейстер — В. Наушкин. На первом представлении, показанном 24 марта, центральную партию — Пушкина — исполнил заслуженный артист республики И. Семенов. В главной женской роли — Марии Волконской — выступила артистка А. Пастухина.

На следующий день основные роли исполнили: народный артист республики Я. Витурас и артистка Е. Мазуревич. Спектакль с интересом встречен общественностью Свердловска.

ВЫШЛИ В ОВЕТ...

КНИГИ ПО ИСКУССТВУ
Альшанов А. Избранные статьи. «Советский композитор». 314 стр. 2 000 экз. 11 руб. 70 коп.
Кузнецов Е. Из прошлого русской эстрады. Исторические очерки. Предисловие Н. Смирнова-Сокольского. «Искусство». 367 стр. 15 000 экз. 23 руб. 20 коп.
Михайлов Н. Театр и современность. «Искусство». 54 стр. 30 000 экз. 80 коп.
Радионов Р. Картины Подморского. Стихи и пейзажи. Гослитиздат. 79 стр. 30 000 экз. 9 руб.
Садуль Н. Всеобщая история кино. Перевод с французского. Общая редакция и вступительная статья С. Юткевича. «Искусство». 10 000 экз. Т. I. 610 стр. 17 руб. Т. II. 523 стр. 20 руб. 45 коп.
Узорова Г. Узбекский драматический театр. Очерк истории. «Искусство». 231 стр. 2 500 экз. 13 руб. 50 коп.
Федор Иванов Шалпин. Сборник. В 2-х томах. Редактор-составитель и автор вступительной статьи Е. Грошева. «Искусство». 75 000 экз. Т. I. 866 стр. 33 руб. Т. II. 724 стр. 29 руб.

М. А. Шолохов в Италии

В Рим прибыл совершающий вместе с семьей туристскую поездку по странам Европы М. А. Шолохов. На римском вокзале М. А. Шолохов встречали посол СССР в Италии С. П. Козырев, генеральный секретарь общества «Италия-СССР» Амброджи Домини, представители итальянской общественности.

ЗАКОНЧИЛСЯ ЗИМНИЙ СПОРТИВНЫЙ СЕЗОН

Закончился зимний спортивный сезон, сезон особенный, предоминантный. Как же провели его наши спортсмены? Скажем прямо — во многих случаях неудачно. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить итоги минувшего сезона с итогами зимнего сезона 1956 года. Думаю, что та спортивная зима может служить определением наших успехов или неудач. Почему? А потому, что тогда олимпийские представители впервые приняли участие в зимних олимпийских играх, одержали убедительную победу. Выступая лишь в 19 из 24 видов состязаний, наши юности и девушки заняли наибольшее число призовых мест, получили наибольшее число олимпийских медалей — шестнадцать. А чего они добились в тех же видах состязаний в нынешнем году? Всего лишь шести призовых мест!

Конькобежцы выступили хуже всех. Это не относится к женщинам, отлично выигравшим в одиннадцатый раз мировое первенство. А мужчины проиграли первенство Европы, затем первенство мира и, наконец, состязания в Скво Вэлли. Частично в том «повинны» два финна: Ю. Ярвинен и Т. Салонен, за короткий срок добившиеся поразительного прогресса, что позволило им занять первые две ступеньки на пьедестале почета. Не умаляя их заслуг, нужно сказать, что на сей раз они не встретили со стороны советских конькобежцев прежнего соперничества.

В декабре в центральных областях нашей страны наступила апрельская оттепель, все катки растаяли. В самый разгар сезона конькобежцам негде было заниматься. Но не впервые же у нас случается столь капризная зима. Неужели нельзя было предусмотреть возможность потепления и направить хотя бы лучших спортсменов на север?

Лыжи в начале января установились морозная погода, но время уже было упущено. Когда 10—11 января в Москве состоялся матч скороходов двух столиц — Норвегия и СССР — всем специалистам стало ясно, что наши ведущие конькобежцы явно не в форме, слабее соперников. Тем не менее официальными результатами были признаны радужными, хотя наше поражение на предстоящем чемпионате Европы фактически было предрешено, так как до его начала оставалось двадцать дней. Как и следовало ожидать, мы проиграли. Затем последовал чемпионат мира. И опять — поражение. Перелет в Америку, в Скво Вэлли, и... третье поражение.

Конечно, корень зла не в многочисленных вояжах, или лишь обострило положение, не дав нашим скороходам возможности нормально тренироваться. Причины поражения более глубоки, и одна из важнейших — отсутствие у наших спортсменов достаточной физической подготовки. А где тонко, там и рвется. Знаменитый Олег Гончаренко и его «тепа» Владимир Шильковский, даже не успев еще обрести спортивную форму, оназились перетренированными. А замены для них нет. Мы располагаем плеядой блестящих мастеров конькобежного спорта, имеющих выдающиеся достижения, но только на отдельных дистанциях. А вот многоборцев, равных по мастерству своим двум «асама» ледяной дорожки, у нас нет.

Лыжники-гонимые были подготовлены очень хорошо, но... на два месяца раньше, чем это требовалось. 10 и 11

НА СПОРТИВНЫЕ ТЕМЫ УРОКИ СЕЗОНА

января в Свердловске состоялись международные гонки с участием финнов. К удивлению многих, гости, в том числе и чемпион мира Вейкко Хакулинен, остались далеко позади наших лыжников. Это обстоятельство вызвало неуместное, на мой взгляд, лигование некоторых наших знатоков спорта, тогда как финны совершенно спокойно отнеслись к своему поражению. Они просто объяснили, что еще как следуют не готовы и что обычно обретают лучшую форму к середине февраля, то есть к тому времени, когда проходит наиболее важные международные состязания. Такими в нынешнем году были: первенство Северной Америки в Скво Вэлли, традиционные гонки в Лахти и Холменколлене. И лидеры их стали финские гонимки. А наши мастера к этому времени уже начали терять свои боевые качества. Лишь в одной из шести гонок нам досталось первенство: Павел Колчин был первым на 15-километровой дистанции в Скво Вэлли.

Спортивная форма — это высшая тренированность, требующая колоссальной энергии, максимального нервного напряжения. Ясно, что спортсмен не может долгое время быть в таком состоянии. Этой прописной истиной почему-то пренебрегли наши тренеры. Прыжки на лыжах, довольно успешно выступая на различных международных встречах, сдали свои позиции в наиболее ответственных соревнованиях. Так было в Лахти, так было и в Скво Вэлли, где нашим представителям не удалось стать призерами, хотя они не уступают сильнейшим спортсменам мира ни в технике, ни в дальности прыжков. Видимо, оставил желать лучшего их волевая подготовка.

Но, пожалуй, самый уязвимый участок горнолыжного спорта. На крупнейших состязаниях сезона в Инцбрунне (Австрия) наши горнолыжники заняли 33-е место в слаломе, 51-е и 57-е места в скоростном спуске. Явной нехваткой искусственных катков объясняется наше отставание в фигурном катании на коньках. На первенстве Европы наши спортсмены заняли 24-е и 27-е места, а мужчины — 10-е и 14-е, и только в парном катании ленинградцы Нина и Станислав Жук стали обладателями серебряных медалей.

Относительно лучше других закончил сезон хоккеисты, заняв второе место на первенстве мира. А ведь они могли бы стать и чемпионами, но... не всегда сборная СССР играет в своем лучшем стиле.

Радуют наши успехи в новом виде состязаний — биатлоне: лыжной гонке на 20 километров с четырехкратной стрельбой. На чемпионате мира советские спортсмены с блеском выигрвали личное и командное первенство. Этого же мы вправе требовать от лыжников и конькобежцев.

Итоги зимнего сезона должны стать предметом широкого обсуждения на проходящих сейчас повсеместно учебных конференциях Союза спортивных обществ и организаций.

До VIII зимних Олимпийских игр в Скво Вэлли остается десять месяцев. Советские спортсмены могут и должны выступить там не менее успешно, чем в 1956 году.

Г. ЕЛЕНСКИЙ, судья всесоюзной категории

Доброе слово «товарищ»

Э. МАКСИМОВА

В КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ обществе у доброжелательности есть множество свободных продавцов и покупателей заменителей — вежливость ласка по отношению к хозяину, жалкая доброта филантропии, участие, продиктованное корыстью. Попав в качестве туриста в капиталистическую страну, несколько терпеливо расстачавшись в магазине, отеле, парикмахерской, банке. Но проходит день-другой, и вы уже можете оценивать эти улыбки в центах и долларах, ибо за каждой стоит трезвый, точный расчет.

В мире капитализма форма обращения — «господин» — подразумевает превосходство одного человека над другим, разные ступени социальной лестницы. В век социализма люди вступили с теплым братским «товарищ»... Товарищ — это единомышленник. Нет ничего, — в большом, общественном плане, — что разделяло бы двух граждан социалистического государства. Счастье одного не означает несчастья другого. У всех нас — одна цель. Мы живем на земле, принадлежат нам всем, строим будущее для нас всех.

И не случайно в наших партийных или государственных документах — идет ли в них речь о выплавке стали, перестройке школы или изменении порядка судопроизводства — непременно встречается слово воспитание. Воспитание высоко нравственного человека — одно из основных слагаемых той титанической работы, которую ведут наша партия, все наше общество, строящее коммунизм. А нравственность немаловажна без доброжелательности к товарищу.

Но всегда ли мы помним о глубоком смысле этого, ставшего для нас привычным, слова — товарищ? «Я — рабочий московского завода, моя жена — врач-педиатр, — читаю в одном из писем в редакцию. — Недавно

пришел я ночью, со второй смены, а мне сосед говорит, что час назад машина скорой помощи увезла Галю в больницу. Я побежал к автомату — звонить туда. Какая-то женщина отвечает: «Вы что, не знаете, что мы даем справки в определенные часы?» Я решил сказать хоть слово о состоянии жены, но в ответ услышал частые гудки.

Допустим, что справки даются в определенные часы. Но я звонил в час ночи не на стадион «Динамо», чтобы узнать о времени начала матча. Я звонил в больницу.

Холодные глаза, злые слова, обидное безразличие... Когда они встречают вас в домену управления, в больнице, магазине, столовой, начинаешь думать: ведь тут перебивают за день сотни посетителей. И каждый выходит обиженным. Сколько же настроений здесь портится каждый день! У скольких людей после визита сюда начинает валиться дело из рук!

КАК ЖЕ рождается это тупое безразличие? Возлюбленному человеку медсестра говорит: «Товарищ, позвоните завтра». Она не сказала бы так знакомому, своему родственнику, но на другом конце провода — «посторонний». Его не объединяют с дежурной сестрой семейные узы. О тех же, куда более крепких связях, которые существуют между всеми нами, она, видно, не догадывается. Ей преподавали математику и фармакологию, физику и анатомию, ее вовлекали в кружки по повышению квалификации, но мало воспитывали в ней человеческую отзывчивость.

самым теплому из всех людей? Горький писал, что Ленин «отказался от всех радостей мира ради тяжелой работы для счастья людей... Он совершенно не умел заботиться о себе, но зорко следил за жизнью товарищей... О людях он думал много...» Если б можно было, я переписала бы здесь слово в слово все страницы этих воспоминаний о Владимире Ильиче. Среди дел, связанных с судьбой государства и мира, Ленин всегда помнил о том, что кто-то где-то болен, ослабел от недоедания. Он с удивительной проникновенностью замечал подавленное состояние и огорчение человека. Он никогда не забывал о будничных заботах окружающих его людей.

Видеть хорошее в людях, искать и находить задатки его, радоваться им и гордиться человеком — вот суть ленинской доброжелательности, которой нужно учиться.

Быть доброжелательным труднее, чем быть равнодушным. Пройти мимо проще, чем вмешаться. Безразлично, инертно, глухо, тупо-спокойно. Доброжелательность — чувство творческое. Мне рассказывали о старике аптекаре. Каждый свой рабочий день он начинал с того, что обзванивал все аптеки района. Если потом к нему обращались за дефицитным лекарством, он писал на обороте рецепта адрес аптеки, где его можно достать.

«Если бы вы знали, как важно бережное отношение к людям!» — написала в «Литературную газету» таганрогская читательница М. Волченская. — Наши руки создают моря, поворачивают вспять реки, воздвигают сказочные дворцы, переделывают природу. Почему же так трудно порой поддаться обработке характера? Каким искусством сделать всеобщее дружелюбие нормой общественного поведения? Может быть, есть в этом пути надежные и короткие? Может быть, недостаточно мы занимаемся этим?»

даюга, писателя, умудренного жизнью рабочего человека воспитывает. В устах умевших им пользоваться оно творит чудеса. Оно способно снимать ржавую пленку равнодушия, причудливо изменять грубые грани, добираться до сверхзащитной чистоты недр человеческой души. Но, конечно, куда легче работать над материалом магким. Школа — вот где коэффициент полезного действия точного, вовремя сказанного слова особенно высок.

Перестройка школы — это перестройка не только обучения, но и воспитания. Ответственнейшей, я даже сказала бы, исторической задачей школы становится забота о нравственном облике молодых людей, об их моральной чистоте, освобождении от эгоизма, равнодушия, мещанства. Школа должна готовить своих питомцев к тому, чтобы занять самую высокую на земле должность — гражданин коммунистического общества. Этот человек не такого уж далекого будущего видится трудолюбивым, образованным, честным, гармоничным развитым, душевно красивым. В мире будет больше улыбок, в языке — больше сердечных слов. Впрочем, их и сейчас в нашем распоряжении достаточно, но мы не всегда умеем ими пользоваться...

Коммунистическое завтра входит в наше сегодня не только спутниками, космической ракетой, атомными электростанциями, гигантскими стройками, плотинами и урдами. На наших глазах родились бригады коммунистического труда. В обязательствах одной из них, созданной на Лисчанском химическом комбинате, записано, например: быть к другу по труду и жизни внимательным, сердечным. Рост производительности труда, подъем на высоты культуры молодые рабочие и инженеры связывают с заботой друг о друге.

Разумеется, нельзя выбрасывать из памяти человеческих чувств гнев, отвращение, презрение — их есть на кого и на что обращать. Вычеркнуть надо только равнодушие — самое бесплодное из всех людских качеств.

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

отражение, ужас, протест. Гоголь говорит, что не загляни он, как автор «Мертвых душ», поглубже в душу Чичикова, и все признал бы героя за истинно человеческого человека: «по окончании чтения... можно обратиться вновь к восточному стилю, темпашему всю Россию».

П. Анненков, хорошо знавший Гоголя, рассказывает, что «спредсложение темных сторон человеческого существования» было его страстью, «страстью человека и художника. А в темных сторонах великий писатель отнесся не только самое зло и повторство зло, но и равнодушие».

Но гоголевская эстетика «обыкновенного» не ограничивалась только сатирической и критической. На тех же страницах «Мертвых душ», где защищается эта эстетика, Гоголь говорит о том, как много нужно глубины душевной художнику, чтобы «защитить картину, взятую из презренной жизни, и возвести ее в перд созданья», говорить о высоком, восторженном смехе, достойном стоять рядом с высоким «лирическим движением». «Озарение» — общественный взгляд художника на мир. Об этом светлом взгляде, без которого природа кажется выходящей болезненной, томительное чувство, Гоголь говорит в «Портрете». Если даже самый низкий предмет изображается не натуралистически, а озарен светом скрытой во всем мысли, «не чувствуешь никакого никакого впечатления». С этим связано и гоголевское понимание смеха. Он не только карает и облагает, но и выражает торжество, превосходящее облачение над темными силами.

Гоголевская эстетика «обыкновенного» была и эстетикой нового понимания прекрасного, открытия прекрасного в повседневной жизни. Вот почему значение эстетического манифеста приобрело предисловие к «Вечерам», где рассказчик Рудый Панкеев противопоставляет свою позицию, свою манеру «пантаской», барской литературе, третирующей «музыка». Слова предисловия о «высшем лакейте», о тех, кто привык кричать: «Будь, куда, зачем? пошел, мужик, пошел!..» — направлены против бюрократической-дворянской эстетики, врагов народности в литературе.

Таковы критерии, которые Гоголь предъявлял к искусству. Но как же добиться художественного их претворения?

Из всего, что Гоголь говорил на эту тему, выделяются три завета. Писатель обязан определить свое место в жизни. Если он припрет полное познание земли своей и своего народа в борне и в ветвах, воспитается как гражданин своей земли и как гражданин всего человечества, и как времяем станет во всем том, в чем поведено быть крепку скале-человеку, тогда он выступит на поприще.

Он должен быть неутомимым искателем и наблюдателем: лишь тонкое умение подмечать явное и неумолимое поднимает литературное произведение до уровня высокого искусства живописи словом.

Наблюдения должны быть освещены светом мысли, раскрывающей в частных случаях общий смысл, связь разрозненных, раздробленных жизненных явлений.

Когда Гоголь оставался верным этим основам, он одерживал великие победы: никогда не померкнет сила его повестей, «Ревизора», «Мертвых душ». Но стоило ему отойти от этой своей программы, и наступали неудача, поражения, приступы тоски и отчаяния.

Корни духовной катастрофы, которая началась реакционной книгой — «Выбранными местами из переписки с друзьями», — сложны. Здесь действовало много причин. И отрыв писателя от передового движения эпохи, и то, что он оказался в кругу мракобесов, и его болезнь. Тревожное ощущение долга писателя перед человечеством перешло в отчаяние... Страшными были последние годы жизни Гоголя, годы метаний, одиночества, бесприятности. И сегодня нельзя без боли читать его горестные признания разным лицам:

«Иные всей душой, и состояние мое так было тяжело, так тяжело, как я не умею вам сказать».

«...Перо не поднимается... это бывает предметом тайных страданий, чем-то вроде креста».

«...Силы мои не только ничтожны, но их нет...».

Когда-нибудь, быть может, появится писатель, который с шекспировской яркостью переосмыслит трагедию Гоголя, переосмыслит великий жизненный, живописец радости бытия поддался чертовому гнетущему аскетизму и шел навстречу гибели.

Среди причин этой катастрофы огромную роль сыграло сознание Гоголя, что он теряет почву, на которой расцвело его творчество. Резонанс, вызванный «Выбранными местами», говорил о разрыве Гоголя с передовой Россией, о пахотом знании им родины. Даже гениальная одаренность не могла восполнить недостатка изучения жизни: он сам признавался, что

М. Щепкин о пьесах Гоголя

ТРУДНО назвать еще два имени, которые были бы так тесно связаны с искусством, как имена Гоголя и Щепкина. И Щепкина знало и Гоголь — один из самых значительных событий его творческой жизни. Известно, как преобразился он, узнав о возможности постановки «Ревизора» на сцене, и как благодарили Гоголя за эту историю, которая осуществилась еще его нападками.

В Гоголе Щепкин нашел драматурга, который был наиболее близок его представлению о новом театре — современном театре. Щепкин считал, что созданный Гоголем сценический язык «страшно натурален и требует чуть ли не целой новой генерации артистов».

Сохранились ранний и до сих пор неизменный отзыв Щепкина о Гоголе, свидетельствующий о необычайной прозорливости артиста: он первый понял, какую грандиозную преобразующую роль сумел сыграть драматургия Гоголя в развитии русского сценического искусства.

В «Дневнике» М. П. Погодина, хранящемся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, и напечатан в № 8 января 1836 года: «Вечером Щепкин. Об упадке театра и комедии. — Комедия Гоголя должна делаться по плану в истории театрального русского искусства».

Т. ГРИЦ

ему не хватало живых наблюдений! Присохшими изменениями и в самом ходе творческого процесса: писатель, невидящий безжизненные, отвлеченные, умозрительные схемы (вспомни его признания: «столько то и выходило хорошо, что взято было мной из действительности...»), стал поднимать свое творчество именно таким путем. Правда, и в глазах второго тома «Мертвых душ», отмеченных идеализацией и даже фальшью, есть чудесные страницы, где узнается прежний Гоголь: и здесь отразилась его трагическая борьба в самом себе.

Как ни сложны причины кризиса и смерти Гоголя, мы знаем главного виновника. Старый мир по-разному мстил тем, кто восставал против него: реакция никогда не была разборчива в средствах борьбы. Но для художника самая страшная мечь — это вторжение в его сознание темных скользящих сил, чуждых пафосу его дарования. Это случилось с Гоголем. С каким дьявольским садизмом достойном стоять рядом с высоким «лирическим движением». «Озарение» — общественный взгляд художника на мир. Об этом светлом взгляде, без которого природа кажется выходящей болезненной, томительное чувство, Гоголь говорит в «Портрете». Если даже самый низкий предмет изображается не натуралистически, а озарен светом скрытой во всем мысли, «не чувствуешь никакого никакого впечатления».

«ШИНЕЛЬ» В ПАРИЖЕ

«ШИНЕЛЬ» стала руководящей нитью нашего театра. Эти слова отдаленно напоминают знаменитое изречение Достоевского: «Все мы вышли из «Шинели», но принадлежат они современному французскому пантомимисту Марселю Марсо.

Пантомимическое предстало в «Шинели» — одно из самых примечательных событий парижского театрального сезона 1959 года. Спектакль ежедневно показывается при переполненном зале, о нем восторженно отзывались многие газеты: он возобновлен (как заявил М. Марсо в «Юманите») в честь столетия Марсо — 25 мая 1834 года. Это «классика» театра, его программная работа, сделанная еще в 1951 году.

Претворяя новеллу Гоголя в «романтическую мимодраму», Марсель Марсо, как драматург, постановщик и исполнитель главной роли, нашел важные и новые законы своего искусства, которые легли в основу всех последующих достижений театра.

Когда я вошел после спектакля в уборную артиста, Марсо был еще в облике своего героя, в черном трико с белыми отложными воротничком; свое лицо актер почти не гримировал. Я благодарил его и крепко пожимал руку, а он в ответ зволнованно спрашивал: «Вы узнаете, это Гоголь? Ведь это вам близко». И признавался, что ему особенно важно узнать мнение московского критика.

А я еще и еще раз говорил Марселю Марсо, что в его герое и во всем спектакле в целом, несмотря на изысканные бытовые элементы и почти полное исключение исторических черт, я все же узнаю Гоголя, что я чувствую в пантомиме Марсо отзвуки гоголевского гуманизма, гоголевскую проникновенность и изящество.

В «Шинели» есть изумительное место, когда рассказывает о некоем молодом человеке, который по примеру других позволил себе поиздеваться над Акимом Акимовичем, но остановился, услышав его слова: «Оставьте меня. Зачем вы меня обижаете?» И Гоголь от себя говорит: «И в этих проникновенных словах звонели другие слова: «Я брат твой». И закрывал себя рукою бедный молодой человек, и много раз содрогался он потом на веку своем, видя, как много в человеке бесчеловечья, как много открыто свирепой грусти в утонченной, образованной светскости».

Этот гоголевский «Я брат твой», скорбь и гнев поэта, стали душой и смыслом образа, созданного Марселем Марсо, — артист вошел не только в мир маленького чиновника из далекого старорусского Петербурга, он в чем-то выразил

...Говоря в «Мертвых душах» о ненависти лицемерю — бесчувственному «современному суду» к писателю-обличителю, Гоголь писал, что этот суд «называет ничтожными и низкими им делаясь создателя», «отнимает от него и сердце, и душу, и божественное пламя таланта». Предполагал ли Гоголь, что это общество попытается поступить так с ним самим?

Но Гоголь предвидел и другое. В 1836 году он писал: «Знаю, что мое имя после меня будет счастье мое».

Великим заветом великого Гоголя остался завет о творчестве во имя жизни, борьба за неугасимое пламя высокого искусства, без которого обмельела бы жизнь.

Г. ВОЯДЖИЕВ

чувства своего нынешнего «брата», обездоленного человека-труженика с его томительными и пока тщетными поисками счастья.

Этот символ счастья — шинель. В спектакле Марсо это не формальная николаевская шинель, а фантастический, выверочный наизнанку тулуп, плод наивной и страстной мечты вечно замерзающего человека. Водруженная на выверочный манекен, шинель странным образом напоминает гигантскую макровую хризантему, прекрасную и недосягаемую.

А у ее подножия на четырех низеньких скамьях четыре согбенных писца, они одиночно и несомненно водят перьями и превращают листы. Враз садятся и враз встают, вместе надевают нарукавники и вместе их снимают, они появляются и уходит вереницей, мелкими и быстрыми шажками... Чиновики живут и двигаются, как рычажки механизма, и через этот поток житейских движений рождается образ томительного, медленного хода времени, убийственно-однообразия жизни.

В пантомиме все тончайшим образом выверено, гармонизировано, слито с музыкой и само становится музыкой, музыка движений, переливающихся из одного ритма в другой, — этот другой, новый и бурный ритм вносит в спектакль Марсо — Башмачкин.

Он явился к портному и был потрясен и тем, что портной царственным жестом отбросил в сторону его жалкое, пропылянное одеяние, и тем, что увидел ослепительно прекрасную шинель. В спектакле началась главная тема — многорудный подвиг писца. Чиновики гусиной цепочкой удалялись из присутственного места, а Башмачкин — Марсо оставался, он дигал пером плавно и быстро, затем пересяк вальса на вторую скамью и делал те же движения, затем на третью и четвертую. На утро являлись чиновики, а Башмачкин неустойчиво писал, они уходили, а Аким Акимович все писал, стремительные ритмы сменялись медленными, тугачими, он выводил канцелярские буквы по гудой барабанный бой. А рядом шла жизнь — на возвышении, где висела шинель, возникали различные картины бытия — начальники с дамами веселились в ложе театра, чиновники ухарски бражничали у портного отыгравли свадьбу; Башмачкин застыл за работой, но тут же задрожал и снова трудился. Дни и ночи томительного писания шли несомкнутой чередой. Режиссер очень остроумным и тонким

приемом достигал этого эффекта движения времени: Башмачкин писал, а чиновники, являясь в присутствии, проделывали полюбившие им движения все быстрее и односторонне, в минуту успевая — войти, раздеться, зажечь лампы, сесть, написать, встать и удалиться; а затем они все это проделывали в полминуты, в четверть минуты и, наконец, в такой срок, который нельзя было бы установить без хронометра, — так все было стремительно и жгуче. А Аким Акимович — писал, писал и писал.

Но вот он получил деньги, отправился к портному и вышел от него в шинели. Здесь наступала кульминация действия. Марсель Марсо двинулся к авансцене на тонких трепетных ногах, быстрыми шажками, голова его была высоко поднята, а глаза закрыты, он был погружен в восторг, наивный, светлый, детский. Он в полном смысле слова был погружен в свою мечту — шинель была на нем, и он совершал в ней свое триумфальное шествие. Мир преобразился, товарищи перед ним преклонились, пухленький начальник подкатил с приглашением пожать руку на бал.

И вот бал. Марсо, конечно, не снял шинели, он в ней ел, пил, жуировал с дамами (да, и это было), танцевал с хозяйкой дома и даже, немного охмелев, пустился в пляс. Смирный Аким Акимович танцевал топаня, и я не удержал в этом ничто предостереженно. Марсель Марсо меня убедил, что так его герой лучше всего выразит свое душевное ликование, первые ощущения радости бытия, обретенное счастье чувствовало себя человеком.

И затем следовал трагический финал — кража шинели, сцена, которую сам исполнитель называет «распятым на кресте». Четыре фигуры в черных трико, олицетворяющие злые и темные силы жизни, неумолимо движутся и окружают трепещущего и беззащитного человека, мускулистами, сильными руками они хватают его; следуют тихая ожесточенная борьба, пантомимический герой глухо стонет, совсем цепкая рук делают рылок, и человек вываливается из своей шинели... Он лежит на земле, голый человек на голой земле. Затем Марсо с трудом поднимается, кажется, что это только его тело — и актер на шагающих ногах медленно уходит вглубь, черная фигура его виднеется на темном фоне и затем тонет во мраке...

На этом спектакль завершился — смысл карающего гоголевского финала «Шинели» Марсель Марсо не понял и из своего представления, к сожалению, исключил. Но все же спектакль проникнут чувством протеста, болью за судьбу человека, равняющегося к счастью. И в этом — его современное и боевое значение.

НЕДАВНО МОСКОВСКИЕ КРИТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЫ ОБСУЖДАЛИ КНИГУ КОНСТАНТИНА ФЕДИНА «ПИСАТЕЛЬ, ИСКУССТВО, ВРЕМЯ».

ОБСУЖДЕНИЕ КНИГИ К. ФЕДИНА «ПИСАТЕЛЬ, ИСКУССТВО, ВРЕМЯ»

«Множество фактов литературной жизни рассыпалось, отчасти потому, — пишет в обращении «К читателю» К. Федина, — что их никто у нас не собирал, отчасти же потому, что они мешают укороеннейшей привычке строить выводы из выводов, пользоваться уже существующими, готовыми представлениями, которые одни литературоведы преподают и внушают другим».

Эти слова лучше всего раскрывают замысел книги: рассказать о живом, сложном процессе становления и развития советской литературы, о тех его участниках, которых автор хорошо знал, о событиях литературной жизни, ныне забытых, или полузабытых, или совершенно истолкованных.

К. Федина с успехом осуществил свой замысел — это отметили все участники обсуждения. Его статьи утверждают искусство, корнями уходящее в жизнь народа, шагавшее в ногу с нашим героическим веком. Они полны забот о высоком мастерстве, которое неразрывно связано с высокой идейностью. В этих статьях советская литература запечатлена в развитии, в ее неутомимом стремлении вперед и выше; она предстает перед нами как литература исключительно богатая самобытными талантами.

Ю. Либединский — один из представителей первого поколения советских писателей, активный участник настоящего литературного движения (тем, естественно, несомненно, несомненно, несомненно) — говорил на обсуждении:

«Недавно вышла неплохая книга по истории советской литературы. В ней помещена прекрасная хроника событий, но нет литературного процесса в целом (хотя есть превосходно написанные литературные портреты писателей). В статьях же К. Федина дана картина литературного развития, и если бы мне задали работу — на основе его книги воспроисходил процесс развития советской литературы, — я бы смог это сделать».

Сборник «Писатель, искусство, время», — поддержала эту мысль М. Прилежайева, — создает волнующую картину жизни советской литературы... Работа К. Федина от многого предостерегает молодых литераторов, а главное, воодушевляет их страстной любовью к писательскому делу.

И еще одно свидетельство. Л. Жукова, аспирантка Академии общественных наук при ЦК КПСС, показывая, какой богатейший материал для истории советской литературы содержит статья К. Федина, ссылалась на то, что она широко используется в историко-литературных работах, критических очерках, диссертациях. Действительно, литературно-критические статьи К. Федина прочно вошли в «научный обиход». И можно лишь поддержать выступавших на обсуждении литераторов, которые призвали автора расширить свою книгу при переиздании, пополнить ее новыми статьями и заметками.

Н. Лесюковский верно указал на одну характерную черту статей К. Федина: «Книга «Писатель, искусство, время» одновременно явление и художнического порядка, и критической литературы... Автор ее большой художник и мыслитель, он счастливо сочетает в себе эти два качества». Статьи К. Федина не только дают богатую пищу учению их доставляет подлинно эстетическое наслаждение. «Самое важное — главную мысль, черту, определяющую своеобразие художника, — характерную эту особенность обсуждаемой книги В. Огнев, — автор стремится запечатлеть в образе».

Сборник «Писатель, искусство, время» не только обогащает наши представления о советской и западной литературе, о драгоценном наследии классиков, он помогает нам лучше понять творчество самого К. Федина — крупнейшего советского художника, его эстетике, его писательскую манеру.

Эта критическая, литературоведческая книга, — указал В. Балкин, — раскрывает по-новому Федина-художника... У нас есть ощущение эпическо-

го спокойствия произведения Федина, он художник большой культуры. И вместе с тем он молодой, дерзкий, озорной писатель, идущий совершенно неожиданными путями. И в книге, которую мы обсуждаем, эти черты обаятельные, подчеркнуты.

Участники обсуждения, высоко оценивая статью К. Федина, прежде всего старались выделить в ней то, что могло бы служить нашей критике в качестве уроков мастерства. Особо говорилось на обсуждении об умении К. Федина по-новому, по-своему прочитать произведения того или иного писателя, разглядеть в них те черты его дарования, которые прежде почему-либо оставались незамеченными, отыскать ранее не выявленные связи этих книг с действительностью. Сборник «Писатель, искусство, время» богат подобными открытиями (Т. Мотылева в этой связи назвала статью О. Л. Толстой: «Восточная» — статьи об А. Блоке и Р. Фоллане; В. Балкин — статьи о М. Горьком и А. Чехове). Эти открытия оставляют ощущение новизны, свежести. А что греха таить, читателю все еще приходится сталкиваться с литературоведческими работами, в которых повторяются общезвестные истины. «Для критиков и литературоведов», — заявила В. Динник, — сборник статей К. Федина может послужить прекрасным примером исследования, в котором литература не заслоняет собой жизни».

Некоторые критические статьи заставляют думать о том, что их авторы пишут исключительно друг для друга. До читателя им нет ровно никакого дела. — В этой шутке, которой начал свою речь А. Васильев, немало правды. Литературоведческие исследования и критические очерки иной раз пишутся мудро, тяжело, перегруженным специальной терминологией языком. А вот сборник статей К. Федина — это книга для всех: и для писателей, и для критиков, и для читателей — любителей литературы (об этом говорил и М. Овсянников). Эта книга может служить образцом того, как следует писать о самых сложных творческих проблемах, — увлекательно, страстно и познающему общедоступно. И только овладев этим трудным искусством, наша критика сможет решительно расширить свою аудиторию.

Т. Мотылева и И. Владиславлев в своих выступлениях подвергли критике некоторые положения статей К. Федина о Бальзаке и А. Франсе.

К. Федина, признав справедливость их замечаний, поблагодарил всех участников обсуждения.

Сегодня мне было сказано много приятного, но я принимаю это с оговоркой. Обсуждение было необычайно либеральным, почти юбилейным...

Моя книга рассказывает о том, как писатель прожил 37 лет в литературе. Случайно писались какие-то статьи, выступления, заметки, письма, иногда просто записки себе на память. Все это, как в дневнике, накапливалось от даты к дате, от года к году. Эту книгу я составил, и не написал. Может быть, в нее попало и что-то хорошее, но и плохое тоже попало. Книга меня не удовлетворяет...

Здесь говорили о писателе и критике. Писатель непременно должен быть критиком. Настоящий писатель прежде всего критикует себя. Если у него не будет этого качества, которое заставляет отбрасывать многое из написанного, — это будет писарь, а не писатель...

Где-то в воспоминаниях о Горьком у меня пространно сказано о значении образования для писателя. Как образованными были наши предшественники! Недостаток образованности — вот что нам, молодым, мешало, когда мы входили в литературу. Нам не хватало ее и сейчас, когда мы стали старшим поколением в литературе.

Затем К. Федина говорил об огромном культурном значении деятельности переводчиков, подчеркивая, что они составляют важный отряд писательской организации.

ПРЕДСЕДОВАТЕЛЬ ТРИБУНА БОГАТСТВО НАШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ богатство советской литературы начинается, в первую очередь, с богатства ее национальных красок.

Мы об этом говорим часто, но не всегда конкретно. А в этом от декларирования многонационального характера советской литературы пора перейти (точнее: решительно переходить, потому что попытка уже делается, и не безуспешно).

СУЩЕСТВУЮТ ли в советской литературе реальные признаки стилового многообразия, порождаемого различием национальной почвы, особенностями национально-исторических традиций?

Да, существуют. В одном случае они различаются более легко и ясно, в другом — условными менее просто.

Легко заметить художественно стиловое различие между литературами Советского Союза, имеющими за плечами большие и многогранные традиции, и литературами молодыми, поднявшимися главным образом «прямо» из родного фольклора, — скажем, между русской и якутской или мордовской; ясно улавливаются черты несходства между литературами народов, находившихся к моменту Октябрьской революции на разных ступенях хозяйственного и культурного развития, — скажем, между латышской и туркменской. Но возмем для сравнения достаточно зрелые исторически литературы, например латышскую и украинскую. Чтобы уловить различия здесь или в других подобных случаях, нужно применить более тонкий исследовательский инструмент. (Истатьи, потому что различия такого рода так долго не были «уловлены» и так медленно сейчас «улавливаются»?)

Сравним украинскую и латышскую художественную прозу, допустим, последнего периода. Да, это один и тот же

метод — метод социалистического реализма, по характеру каждой из литератур весьма своеобразен.

Латышская проза, взятая как целое (в лице наиболее известных своих мастеров), тяготеет к монументальному эпосу чистей воды; современный украинский роман, при всем разнообразии намечавшихся в нем стилового течений, сочетает, как правило, эпическое начало с возлюбленной, сердечной, «широкой» лирикой, так свойственной украинским песням и думам и всему мировосприятию украинского народа. Латышские прозаики по своим стилистическим убеждениям при всех своих индивидуальных различиях — непреклонные реалисты (известен, скажем, беспомысленный, но и односторонний «антиромантический» пафос А. Упита, объединяющий все его теоретические высказывания), реалисты с преимущественным уклоном в конкретно-описательное, аналитическое изображение действительности (конечно, под эти признаки нельзя привести всю современную латышскую прозу). Для украинской прозы характерна явственная романтическая струя, столь заметная, скажем, в творчестве Ю. Яновского, А. Довженко, О. Гончара, М. Стельмах, Н. Рыбака.

Итак, с одной стороны, — добросовестная исследовательская широта латышской, не позволяющая романтике «пропустить» ни одного сколько-нибудь значимого общественного явления, группы, типа, «линеевская» систематичность, огромный интерес к подробностям, к «капелларам» социального бытия, через которые раскрывается типическое и целое, стократно продуманная, в соответствии с общей исторической картиной, «многоохватность» их эпических композиций, своеобразный «эпический пафос»; с другой стороны, — более прихотливое, более «своевольное» (хотя зачастую и более узкое по захвату событий) течение повествования у романстов-украинцев, почти постоянное присутствие автора-поэта

в изображаемых картинах, ярко выраженный интерес авторов к деталям не только характерной, но и психологически сугубой, «цветной», яркой, иногда символической.

Отмечая эти различия, мы в данном случае не задаемся вопросом о том, какая форма «лучше», тут надо было бы каждый раз говорить о конкретных художественных задачах, поставленных авторами. Для нас важно сейчас только установить реальное существование национального стилового своеобразия.

Абстрактные рассуждения о национальной специфике, повторяю, у нас часто заслоняют собой насущно-важные вопросы о конкретном художественно-стиловом облике данной литературы. На мой взгляд, пора уже поставить вопрос о национальных стилях советской литературы как об одном из аспектов вопроса о стилях социалистического реализма, о национальных стилях не в смысле какой-то «особого» их генезиса и исключительной принадлежности данной литературе, а в смысле их реального бытования в многонациональной советской литературе. Пусть это будет понятие не нормативное, но рабочее, вспомогательно-номинальное.

У нас есть огромная, как море, многонациональная литература социалистического реализма, единая по идейному содержанию, по методу, по общей тенденции художественного развития, но чрезвычайно разнородная и многоцветная по своим национальным поэтическим краскам. — а есть ли у нас хотя бы приближенная «карта» этого художественного моря? Море в целом — это определенное и устойчивое единство многих физических данных, но моряки и гидрографы этим не довольствуются, и подробно отмечают на картах, скажем, течения, состав моря в каждом его «квадрате», поскольку эти факторы представляют первостепенный практический и теоретический интерес. Не так ли должно обстоять дело и с нашим литературным «морем»?

Интересные попытки обобщить стилового течения в прозе своей национальной литературы, своего «квадрата» моря, делает в последнее время, например, белорусский критик А. Адамович. Как и в других литературах народов СССР, показывает он, здесь свободно текут, часто

перекрещиваясь друг с другом, разнообразные стиловые потоки: эпически-широкая, тяготеющая к изображению жизни в ее натуральной многогранности и широте связей, проза Я. Коласа и таких писателей, как, скажем, И. Шамякин, проза эмоционально-поэтическая, преимущественно романтическая по стилю (З. Бягуля, Я. Брыль и др.); преимущественно «аналитическая», часто психологически углубленная, склонная к заострению и концентрации изображаемого в каком-то одном направлении проза таких писателей, как К. Чорный или К. Крапива. Те наблюдения, пусть не всеобъемлющие, которые критик сумел сделать, позволяют читателю в какой-то мере уловить общее стиловое «лицо» белорусской прозы.

Если бы такой «фронтальный» обзор стилового богатства одной литературы сопоставить с аналогичными исследованиями, скажем, украинской, латышской, эстонской, казахской, грузинской литературы, не говоря уже о русской, — перед нами была бы поучительная, дающая простор для серьезных теоретических размышлений картина общего многообразия и многоцветности всей нашей литературы, с одной стороны, и определенности стилового индивидуальности, самобытности каждой из национальных литератур, — с другой.

Но «ФРОНТАЛЬНЫЙ» анализ стилового течения или иной советской литературы — это еще не все. Анализ должен показать движение стилей, определить, конечно, потребности развития жизни, а не внутрилитературными причинами.

В чем же выражается это движение? Во-первых, в том, что утрачивают свою эстетическую значимость те стиловые элементы и формы, которые обнаруживают свою устарелость, неспособны к адекватному выражению нового жизненного содержания.

Многие примеры преодоления и преодоления архаики (в широком смысле) дают литературы Советского Востока; там с особенной наглядностью происходит процесс освобождения от явно пережиточных художественных традиций, оставленных прищипанной литературой феодального прошлого, а также от «окаменевших» фольклорных штампов. Но

когда мы говорим об «архаизмах», у нас почему-то взгляды всегда обращаются на Кавказ, Среднюю Азию и т. д. А русская литература, украинская, прибалтийские? Разве у них нет своих «роз и соловьев», своего «стилюватора»? Разве не ощущаются явная фальшь и отсутствие «такого современного» в попытках возродить как своеобразный стиль этакую «простонародность» (вспомним хотя бы некоторые стихи Н. Трыпкина или аналогичные обращения отдельных украинских прозаиков к сказочному сентиментальному манеру стилизованного «крестьянского сказа»). Ошибочно было бы думать, что выпадение из наших литератур подобных стиловых элементов, обычно имеющих довольно яркую, но часто внешне национальную окраску, приводит к обеднению их национальной формы, к утере художественного своеобразия. Нет, это — потеря примет как раз высших, лежащих на поверхности.

Поиски новых форм и стиловых элементов, актуальных эпохе, неразрывно связаны в наших литературах с общей ориентацией их на великие реалистические (и прогрессивно-романтические) традиции в отечественном и мировом художественном наследии. Продолжение и новаторское переосмысление каждой литературой всего жизнеспособного из собственных национальных традиций самым тесным образом переплетается с освоением и переосмыслением на новую почву опыта других братских литератур, прежде всего русской, с ее колоссальными, неоценимыми традициями реализма и народности. И это освоение и переосмысление является и является могучим сближающим — но отнюдь не нивелирующим — началом в развитии национальных стилей всех братских литератур.

Есть множество примеров того, как в процессе творческого общения и взаимодействия обогащаются новыми красками национальные стили социалистического реализма братских литератур народов СССР. Особенно нагляден этот процесс в литературах относительно молодых, которые растут, опираясь на опыт русских, (Окончание на 4-й стр.)

Репортаж из Алжира

ДЕРЕВНЯ ПОБЕДИЛА БЛОКАДУ

— Не думайте, пожалуйста, что это явление исключительное. Не только наша деревня, сотни, а может быть, тысячи деревень в Алжире должны поступать так, если не хотят погибнуть от голода...

Когда уполномоченный Национального фронта освобождения говорит о «нашей деревне», то это вовсе не значит, что он откуда родом или что он крестьянин. Деревня, о которой идет сейчас речь, расположена в Большой Кабилии, где основная часть территории контролируется Освободительной армией. Уполномоченный, назовем его Абдулла, — житель города Алжира и до 1956 года был студентом.

— Я говорю «наша деревня», — продолжает Абдулла, — потому что каждый, кого направляют в деревню, очень скоро начинает считать эту деревню своей родной, еще более родной, чем дом, где он провел детство...

Освобожденные области Алжира не представляют собой единой территории, и французская армия, находясь с ними в непосредственном соприкосновении, пытается заставить жителей покинуть эти районы. Колонизаторы подвергают население постоянным варварским бомбардировкам, оставляют его без продовольствия. Самолеты подкидывают напалмовыми бомбами поля и леса, уничтожают пулеметными очередями овец, коз, мулов. Если же это не приводит к желаемому результату, то район блокируется, все подходы и подъезды к нему герметически закрываются. Затем с самолетов сбрасываются листовки, призывающие крестьян добровольно уйти из мест, где «хозяйничают мятежники», и сдать французской армии, которая их «переселит»...

В 1956 году, — рассказывает Абдулла, — наш район блокировали французы. Они отрезали все подступы к деревне. С воздуха стали сбрасывать листовки, чтобы мы со всем, что можем захватить, спустились бы в долину к французской армии (район расположен на плато). Мы собрали собрание и сказали жителям, что они должны решить этот вопрос сами. Мы всегда честно говорим крестьянам о всех трудностях, которые могут их ожидать. Поэтому мы сказали, что блокада принесет голод и нищету, что Национально-освободительная армия хоть и будет помогать им в меру сил, но не сможет их прокормить, так как другие районы области тоже блокированы, и что если они не смогут прокормить себя сами, то погибнут от голода. Основной источник дохода жителей этих деревень — работа в расположенном неподалеку лесу пробкового дерева — теперь, конечно, отпала.

Крестьяне постановили никуда не уходить. Вскоре, однако, стало ясно, что запасов продовольствия — зерна и бобов — хватит ненадолго. И тогда маленькая алжирская деревня, жизнь которой не менялась столетиями, решила, спасаясь от горькой нужды и ни за что не желая сдаваться, перейти к посевам по единому плану.

На собраниях обсуждали, как лучше использовать каждый клочок земли, и там, где не справлялся один, ему помогали другие.

Окончание. См. «Литературную газету» от 21 февраля и 5 марта.

помогала вся община. Нет такой блокады, свинцовую которую нельзя было бы найти лазейку и по горным тропам пройти до города... Освободительная армия дала деньги для покупки семян и кое-какого инвентаря и одолжила мулов, чтобы перевезти все это. Крестьяне несколько раз закупили в городе все необходимое, переходя через французские линии. Когда же они перевезли самую большую партию груза, армия начала на другом участке атаку, чтобы отвлечь внимание французов.

Хлеба собрали столько, что хватало не только на жизнь, но и на частичное погашение долга армии. Мы его не требовали, но у крестьян есть гордость... Однажды весной на собрании встали два крестьянина и говорят: «Мы могли бы больше сеять и лучше жить, а также больше помогать нашей армии. У нас есть люди, имеющие большие земельные наделы, которые они не в состоянии обрабатывать, а у общины слишком мало земли. Давайте разделим эти большие участки!»

Двое из владельцев таких больших земельных участков согласились на раздел, третий — воспротивился. Вы, наверное, знаете, что один из самых важных пунктов нашей программы — проведение аграрной реформы в свободном Алжире; но когда мы фактически проводим эту реформу до освобождения, мы не можем выступать против воли тех, чьи интересы она затрагивает, даже если это совершенно справедливо. Тогда я встал и спросил человека, который возражал против раздела земли: «Кому принадлежит земля до тебя?» — «Мои родители». — «А раньше? Совсем давно?» — «Мои предки». — «А еще раньше, когда не существовало твоих предков?» Тогда все собрание стало кричать: «Никому и всем! Давайте делить!» Этому человеку пришлось согласиться — конечно, ему оставили вполне достаточно земли, и другие помогли ему, когда было нужно.

Теперь крестьянам живется неплохо; они обеспечены продовольствием — они победили блокаду. «Знаете, чем они теперь занялись?» — спрашивает Абдулла, улыбаясь. — Они услышали где-то, что есть сорт кофе, который может расти в нашем климате. Они раздобыли его и стали разводить. Мы, арабы, очень любим кофе. Вот крестьяне и решили: зачем с опасностью для жизни пробираться в город, может быть, мы сможем получить кофе у себя?..»

ЖЕНЩИНА, У КОТОРОЙ БЫЛА ТОЛЬКО ОДНА КУРИЦА

Я встретил ее в одном из лагерей для беженцев на алжиро-тунисской границе, недалеко от маленького горного тунисского местечка Айн Драхам. Это была худая женщина лет шестидесяти, в пестрой юбке с множеством заплат и в длинном черном платке, свободно падавшем на плечи и грудь, какой носят в области Константина. В понятие «лагерь для беженцев» отнюдь не входят бараки с кроватями и очагами для приготовления пищи; лагерь для беженцев в Тунисе или Марокко, где живут алжирские крестьяне, спасшиеся из сожженных деревень, — это голые, не защищенные от ветра горные склоны с несколькими хижинами из веток. Пища беженцев — те несколько килограммов зерна в мешок, которые им дают междунар. о д н ы й Красный Крест и тунисский Красный Полумесяц. От холода их защищают одеяла — одно на тридцать человек...

Вместе с молодым алжирским профсоюзным работником мы обошли несколько таких лагерей и говорили о национальном налоге. Временное правительство Алжирской республики взимает национальный налог со всех владельцев, проживающих на родине и за границей. Долгое время это был единственный

источник средств, которым располагал Национальный фронт освобождения. Теперь другие арабские государства тоже помогают Алжиру. За счет этого налога покрывались все расходы по ведению войны, по выплате пенсий, которые Национально-освободительная армия доставляет каждый месяц на дом семьям погибших, где бы они ни находились, по содержанию госпиталей, открытых для населения в освобожденных областях, и т. д.

Этот национальный налог — злободневная тема французской буржуазной прессы. О том, как его взимают, рассказывают историки, не уступающие по вымыслу американским гангстерским романам. Как кричат повсюду авторы этих небывлиц, налог удерживается за счет смерти. Кассиры фронта освобождения, в изображении французской печати, приходят к своим «жертвам» вооруженные до зубов, вырывают у них последние гроши...

Вначале было непонятно: почему французская пропаганда уделяет столько внимания этому вопросу, почему тратит на него столько расцененной кровавыми подробностями фантазии? Потом все поняли: если угнетенный народ, слеживаемый французскими полицейскими, терроризируемый и контролируемый французской армией, тайно, с опасностью для жизни отдает деньги Национальному фронту освобождения Алжира, зная, что за это каждого могут арестовать, подвергнуть пыткам или убить; если народ этот регулярно собирает такие суммы, которые позволяют лютый год вести освободительную войну против Франции, то это — яркое доказательство слабости французов, того, что власть колонизаторов держится лишь на штыках.

Вот чем объясняется ярость французских властей, их желание во что бы то ни стало создать впечатление, будто национальный налог взимается насильственно!

Беседа, мы шли по холмам, где располагались лагерь для беженцев. Вдруг мой спутник указал на пожилую женщину: «Знаете ли, попросите лучше эту женщину рассказать, как она платит налог. Смотрите только, чтобы у нее не оказалось в руках палки!»

Вот что рассказала нам эта женщина, стоя между влажными низкими деревьями на горном склоне, который стал теперь ее домом.

Да, она каждый месяц платила налог. Всегда аккуратно. Когда приходили братья из Освободительной армии (люди в борющейся Алжире называют друг друга «братья» и «сестры»), деньги у нее были всегда приготовлены. Откуда она брала их? Она очень бедна. Да, она действительно очень бедна. У семьи был совсем маленький клочок земли, ни ослы, ни овец, ничего больше. Но у нее была курица. Очень хорошая, старательная курица, которая через день, а иногда и каждый день несла яйца. Эти яйца женщина собирала, продавала и копила деньги, чтобы платить налог. Разве ей самой не хотелось когда-нибудь стечь языком или испечь пирогу внукам — ведь у нее есть внучки! Лицо женщины сразу сделалось серым и неподвижным: мой спутник подал предостерегающий знак. Помотав, она сказала сухо, что вяла бы, конечно, одно-два яйца для себя, но этого нельзя было сделать. Налог важнее.

— А как это случилось, сестра, — спросил, улыбаясь, молодой человек, — что ты схватила большую палку и погналась за братьями-кассирами?

Она тоже улыбнулась и произнесла по-арабски слово, которое означало что-то вроде: «чертенок».

— Палка-то была не большая, а, наоборот, совсем маленькая, но, — она засмеялась, — от страха и ветка покажется толстым деревом...

Кассиры Национального фронта освобождения, которые обходили деревню за деревней, конечно, знали о бедственном положении этой женщины и предложили освободить ее от налога. Как-то она объявила ей: «Сестра, организация постановила не брать с тебя налога. Мы знаем, что ты хочешь платить, и ты останешься в списках как человек, который добровольно платил дань больше, чем мог. Но оставь, пожалуйста, эти яйца себе и съешь хоть

раз в неделю что-нибудь получше пшеничной каши и мятного чаю!»

— Я стара, и мне следовало быть поумнее, — смущенно говорила нам женщина, — но тут меня разоблало такое зло... Я стала кричать... «Что? Я должна сохранить для себя эти яйца? А попробуйте сказать нашим солдатам, когда они идут в атаку на французов, что они должны сохранить прежде всего свою жизнь! Скажите братьям, которых пытаются французы, что они должны думать о себе и выдать других! Разве мы, старики, хуже других? Разве мы не боремся?» У меня в руках оказалась палка, — правда, не большая, а средней величины, и я бежала за ними до самой площади. Дальше они бежать не смогли — так они смеялись. Тогда я тоже засмеялась и бросила палку. Но кассиры, — она снова сказала арабское слово «чертенок», — разнесли историю по всей округе, и меня теперь все знают как женщину, которая набросилась на сборщиков с палкой...

После этого она продолжала платить налог до того дня, когда в деревню пришли французы, разграбили и подожгли дома, убили большинство жителей. Среди убитых были ее сын и невестка и четверо из шести внуков. Двух младших ей удалось спасти из горящего дома и унести в лес. Через несколько дней приехали бойцы Освободительной армии и провели ее с детьми через границу.

— Теперь я с детьми здесь, — говорит она, показывая на маленькую хижину из веток и листьев. — Нам трудно, еды мало, и зимой очень холодно, но я сохранила ни жизнь и приведу домой. Мои внуки будут жить и вырастут порядочными людьми в свободном Алжире!»

«НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС» СОЖАЛЕЕТ...

Вооруженная авантюра чучки тибетских предателей вызвала гнев и возмущение всего китайского народа. «Тибетские мятежники — это шакялы и волки, нажившиеся в расы буддистов» — это оклеветание китайскими правителями Тибетского буддийского общества Широб Динлао.

Кому на руку действовала реакционная верхушка Тибета? Международному империалистическому клубу на Тайване. Об этом свидетельствуют цитированные признания чинайских правителей в Ганьсу, Цинхай, Сычуань, Синань и Тибете и непрерывные организации вооруженной борьбы против Китайской Народной Республики.

Ничего, когда надежды империалистов рухнули, газета «Нью-Йорк таймс» весьма сожалела, что мятежники не добились своих целей. Что в 1947 году установили тесные связи с тибетскими лидерами в Ганьсу, Цинхай, Сычуань, Синань и Тибете и непрерывно организовывали вооруженную борьбу против Китайской Народной Республики.

Вот она поспорилась — жестоко, мучительно, на всю жизнь! В этом возрасте всегда кажется, что если ссора, — то это конец!

Молодой американец поспорил с девушкой, с которой проводил воскресные дни. Он не ее любил, но он готов был ее полюбить. Она так весело коротала вместе свои воскресные отдыхи: бродили по улицам, сидели, целуясь, прижавшись друг к другу в кино, телескоп, когда на экране целовались герои фильма, — эта синхронность их всегда смешила. Потом ужинали в дешевом ресторанчике.

Однажды она не пришла на свидание, и ему сказали, что ее видели в ресторанчике с другим парнем. Он позвонил ей по телефону, потребовал объяснений. Она ответила, как ему показались, дерзко и невинно.

И вот они поспорили — жестоко, мучительно, на всю жизнь! В этом возрасте всегда кажется, что если ссора, — то это конец!

«романтической форме». Не забывайте, что умаяи и чувствами современники в эстетическом отношении владеют не только и, может быть, не столько романтические стили (при всей их несомненно большой значимости для нашей литературы), сколько то покоряющее своей пластичностью и глубиной проникновением в живую действительность великое реалистическое искусство, которое является главной стилиевой традицией социалистического реализма».

Развитие этой стилиевой традиции, опирающейся в украинском литературном наследии на образы, оставленные Франко и Коцюбинским, ориентирующейся на такие явления, как Толстой, Горький, Шолохов, Ренан, Драйдер, — это, по моему мнению, вопрос первостепенной важности. Нужен большой современный украинский роман, стоящий на уровне передовых образцов реалистического искусства по художественной пластике, по передаче «диалектики души», по глубине социально-философского анализа и синтеза действительности. Именно на этом направлении возможно решение украинскими писателями генеральных задач, связанных с усилением познавательной и общественно-воспитательной функций художественной литературы, необходимость чего настоятельно выдвигается перед нами после исторического XXI съезда ВПСС. А рядом с этим главным направлением, конечно, пусть развивается и цветет романтическое течение в украинской прозе — ему можно лишь пожелать обогатить советскую литературу новыми «Василисками», новыми «Захаровыми Деснами», новыми оригинальными произведениями во всех жанрах.

По-своему вопросы эти стоят перед другими национальными литературами народов СССР. От их решения во многом зависит успешность нашей борьбы за богатство и полнокровие каждой национальной литературы Советского Союза, за успешное продвижение ее вперед по пути социалистического реализма.

На этом фотоснимке запечатлены те, кому сегодня вновь живется волготно в Западной Германии: бывшие гитлеровцы, военные преступники, Генерал-полковник войск СС Курт Мейер (в центре) после войны был приговорен к смертной казни за убийство канадских военнопленных. Он был, однако, помилован, а позднее — освобожден. Здесь он запечатлен в окружении «соратников» — бывших эсэсовцев, устроивших Мейеру радостную встречу.

Снимок из датской газеты «Ланд оф Фольке»

Это не должно повториться

Поздним вечером 22 марта в неловко острожном здании «Шталтхаузе», в Вене, закончил свою работу третий Конгресс международной федерации участников движения Сопротивления — ФИР...

В течение трех дней работы конгресса корреспонденты многих австрийских и иностранных агентств, журналисты, газет напряженно ловили каждое слово, раздававшееся с трибуны. Но буржуазная печать не посвятила конгрессу и его участникам ни строчки... И это не случайно. Отчетный доклад генерального секретаря ФИР французца Андре Леруа и многочисленные выступления участников, людей самых различных наций, религий и убеждений, и резолюции и обращения, которые были приняты, не могли устроить реакционные круги Запада... Лейтмотивом, объединившим и доклад, и резолюции, и все выступления, — была борьба за мир...

С трибуны конгресса делегаты национальных организаций участников Сопротивления с тревогой говорили о все более явственных признаках возрождения милитаризма в Западной Германии, о репрессиях за малейшую попытку высказать протест против усиления будендерфа и оснащения его атомным оружием.

Гневно протестуя, делегаты называли имена гитлеровских военных преступников, занимающих, как и прежде, генеральские посты и руководящие должности в ФРГ под крылышком правительства Аденауэра.

В дни конгресса к его участникам приезало немало людей — и жителей Вены и других районов Австрии, и иностранных гостей.

Во время перерыва к главе советской делегации — ответственному секретарю Со-

ветского комитета ветеранов войны А. П. Маресеву подошла молоденькая девушка. — Извините, мне хотелось бы с вами поговорить, — смущаясь, сказала она. — Меня зовут Эльзой. Только что не настоящее имя. Мне приходится скрывать, как меня зовут. Иначе мамы уволят с работы. Я из Западной Германии, представительница гамбургской молодежной группы имени брата и сестры Шолль...

— А что это за группа? — Мы — дети немецких антифашистов. А брат и сестра Шолль — руководители подпольной антифашистской организации, действовавшей в годы войны в Германии. Они погибли, но мы продолжаем их дело — боремся за возвращающихся у нас фашистов. Поэтому наша группа и носит их имя...

— Так о чем же вам рассказать? — Мы о вас уже кое-что знаем. Но книги «Повесть о настоящем человеке» у нас в Западной Германии не достать... Так вот члены нашей группы перед отъездом просили меня обязательно поговорить с вами. Нам это во многом поможет...

Дело, конечно, не только в лобознательности Эльзы и ее товарищей. Таких разговоров и встреч на конгрессе произошло много, и главное в них, — что люди, по доброй воле, прорвали заговор молчания, организованный реакционной прессой, дошли до широких кругов горячие слова бывших партизан, маки, узников фашистских тюрем и концлагерей... Эти слова быстрее доходят до сердец, потому что их произносят люди лучше, чем другие, знающие, что такое фашизм и война, полной мерой испытанные все их ужасы.

ВЕНА. (Наш корр.)

Силы мира преграждают путь войне! Рисунок из индонезийской газеты «Хариан рангкат»

ПРЕДСЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ТРИБУНА

БОГАТСТВО НАШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

украинских, белорусских и других писателей. Уже хорошо доказана, например, тесная связь «Абая» Аузова с традициями русского реалистического романа, следование которым сказалось в мастерстве лепки характеров, в культуре психологического анализа, в умении построить широковязкую эпическую композицию. Вместе с тем «Абай» — явление, утверждающее на казахскую стиливую школу в многонациональном советском романе: опыт Аузова становится предметом изучения и «перенесения» на свою почву в литературу Средней Азии и Ирана, думается, стать им в литературе и украинской, и литовской, и грузинской, и русской.

Поэт Советского Дагестана Расул Гамзатов в одном из стихотворений писал:

Волшебней придумывал мне сказки Отец мой вечерами, и таких Немало было сказок.

По-аварски Герои разговаривали в них. Люблю язык тех песен колыбельных И сказок тех, что в детстве слышала я. Но рассказал он далах беспредельных И всех сограждан отдал мне в друзья Другой язык.

С ним шел я через горы, Чтوب родины величие постичь. То был язык могучий, на котором Писал и разговаривал Ильич.

Самая поэзия Р. Гамзатова, столь хорошо известная широкому советскому читателю, представляет собой своеобразный синтез национальных поэтических истоков с достижениями современной русской и всеобщей поэтической культуры. Что-то очень близкое, созвучное (не только мыслям и темам, но и по манере выражения) и Сергею Смирнову, и Патону Воронько, и Пимену

Панченко, и Геворку Эмину, слышится в его лирике. Но ошибается тот, кто подумает, что Гамзатов повторяет своих товарищей: это — поэзия настоящего национального своеобразия. Сам юмор, тонкая и сердечная лукавинка его стихов, его поэтический реализм с опорой на простую, натуральную, жизненный материал — вовсе не «вычужденный» поэтом у кого-либо из его современников: это — непосредственное аварское наследие Гамзатова, воспринятое им у отца — народного певца Дагестана Гамзата Цадаши, и от других соплеменных поэтов — творцов устной и письменной поэзии. Национальные стиливые приемы поэзии Гамзатова связываются, например, в том, что он, подобно своим предшественникам — народным певцам, повествователям, остроумцам, умеет и любит поэтически мыслить, так сказать, на людях: сплошь да рядом в его стихах мелькают те некая притча, то оригинально построенное и оживленное юмором нравочувствительное «сказание», то острый диалог, то застольная речь, не говоря уже о песне, — все те формы развертывания образной мысли, которые так ценятся и уважаются народной поэзией, народным красноречием, и особенно на Востоке.

Но на высоту какой поэтической культуры все это поднято у Гамзатова, какой тонкой, истинно современной интеллектуальностью пронизано!

И ЕЩЕ ОДНО, что хочется подчеркнуть в связи с поставленной проблемой. Национальные стили литературы социалистического реализма — явление развивающееся, причем развитие их можно и надлежит целенаправленно направлять (хотя непростительной ошибкой были бы казие-нибудь размахистские

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм жизни — К 4-06-05, международной жизни — К 4-03-48, отделе: литература народов

Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — Б 1-11-69, внутренней СССР — Б 8-59-17, информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммулятор — К 5-00-00.

Главный редактор С. С. СМИРНОВ. Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИА, Г. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, В. М. МАРКОВ, Е. И. РЯБИЧКОВ, В. А. СОЛОХИН, А. С. ТЕРТЕРЯН.

Типография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.